

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Епископа Вологодскаго.

№ 153
(Ноябрь).

1909.

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ. Есть ли нынѣ чудотворцы? (Изъ сочиненій Св. Димитрія Митрополита Ростовскаго).— Двухсотлѣтняя память Святителя Христова Димитрія, митрополита Ростовскаго. *.*— Наназаніе Божіе. Свящ. С. Махарова.

ЕСТЬ ЛИ НЫНѢ ЧУДОТВОРЦЫ?

(Изъ сочиненій Св. Димитрія Митрополита Ростовскаго).

Любите враги ваша, добро творите ненавистишимъ васъ. (Лук. 6, 27).

Привыкли нѣкоторые оуждать наши времена и укорять нынѣшній немощный родъ человѣческой, воря: нынѣ нѣтъ уже между людьми чудотворцевъ какіе бывали прежде. Неправда! Если желаете, я покаж вамъ, что и нынѣ между людьми есть чудотворцы; тольк послушайте, что я скажу: всякій, кто любитъ врага своего чудотворецъ есть. Слышите ли, что говорю: **всякій, любящій врага своего чудотворецъ есть!** А что это—истина докажу отъ Божественнаго Писанія и отъ Святыхъ Отцевъ—что такое чудо?—Чудомъ называется то, что бываетъ выше естества; ибо, что бываетъ по естеству, т не чудно, тому никто не удивляется, того никто и не называетъ чудомъ; но если что превышаетъ силу естества то это есть истинное чудо. Не чудо, что пламень, исшедшій отъ печи Вавилонской, пожегъ бывшихъ около не слугъ халдейскихъ; ибо огню свойственно жечь, а людямъ естественно сожигаться огнемъ: то чудо, что огонь не могъ коснуться трехъ отроковъ, бывшихъ внутри печи и повредить имъ. Не дивно, если кто любящихъ его любить, ибо это естественно: но дивно, если кто любить врага своего, ибо это вышеестественно. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ по грѣховной природѣ своей не терпитъ обиды,—каждый можетъ видѣть это и въ себѣ самомъ, и въ другихъ. Ему иногда кажется лучше умереть, нежели стерпѣть обиду отъ когонибудь. Если же не любить враговъ намъ естественно, то не прямо ли слѣдуетъ отсюда, что любовь ко врагамъ есть дѣло вышеестественное, чудесное, и потому любящій враговъ своихъ поистинѣ чудотворецъ есть?—Какія же чудеса творить такой чудотворецъ? А вотъ послушайте. Любящій врага своего и добро ему творящій просвѣщаетъ слѣпого, не тѣломъ слѣпому а умомъ слѣпотствующаго. Ничто такъ не помрачаетъ умныя очи, какъ гнѣвъ и ярость. Много примѣровъ, что люди въ ярости своей поступали подобно дѣтямъ неразумнымъ; такъ, напр. въ житіяхъ святыхъ мучениковъ читаемъ, что нѣкоторые мучители, предавшіе хрістіанъ на съѣденіе звѣрямъ, избили самихъ звѣрей, когда тѣ не

хотѣли коснуться мучениковъ. Ясно отсюда, что въ ярости человѣкъ точно — безумный и весьма подобенъ слѣпому, ибо не знаетъ самъ, куда идетъ и что дѣлаетъ. Какое врачевство сильно для уврачеванія такой слѣпоты? Сильно незлобіе и любовь, сильно благодѣяніе того, на кого гнѣвающійся напрасно гнѣвается. Ибо, когда онъ видитъ, что на гнѣвъ его не отвѣчаютъ гнѣвомъ, а напротивъ являютъ любовь и злое благимъ побѣждаютъ, то престаесть отъ гнѣва и самъ предъ собою стыдится, сознавая свой грѣхъ, а ближняго своего невинность. Такъ было между гнѣвливымъ Сауломъ и незлобивымъ Давидомъ. Посему кто любитъ врага своего, тотъ есть чудотворецъ, просвѣщающій слѣпого. — Любящій врага своего укрощаетъ волны морскія и претворяетъ бурю въ тишину. Гнѣвнаго человѣка св. Златоустъ называетъ моремъ, возмущеннымъ вѣтрами. Какъ море волнующееся выбрасываетъ на сушу всѣ трупы находящіяся въ немъ; такъ и гнѣвливыи въ ярости своей обнаруживаетъ всѣ тайны друга своего. обличаетъ и безчеститъ его. Такое море кто утишитъ? Тотъ, кто уничтожитъ причину волненія. Море не волнуется, если нѣтъ вѣтровъ и бури: и разгнѣванный человѣкъ перестаетъ гнѣваться, если не встрѣчаетъ прекословія, брани и противорѣчія. Умолкни отъ прекословія, воздержись отъ распри, оставь противленія, и ты уничтожишь причину волненія и увидишь море утихимъ. А такъ какъ любящій врага своего не прекословитъ, не бранится, не противится; то онъ утишаетъ въ немъ бурю гнѣва; посему любящій врага своего есть чудотворецъ, претворяющій въ тишину волненіе морское. — Любящій врага своего угашаетъ силу огненную. Враждебный гнѣвъ въ человѣкѣ есть какъ бы *пламень попяляяй дубравы и пожигаая горы* (Псал. 82, 15); ибо онъ попяляетъ высоту добродѣтелей въ самомъ гнѣвающимся, и уничтожаетъ и какъ бы въ пепель обращаетъ доброе имя, добрую славу ближняго. Пламень угашается или водою, или разбрасываніемъ вещества горящаго: и гнѣвъ укрощается либо кротостію молчаливою, какъ водою; либо снисходительностію, какъ разбрасываніемъ вещества горящаго. Кроткій и тихій мужъ, не подавая причины ко гнѣву, не только не возжжетъ огня вражды, но и возженный угаситъ, какъ говоритъ св. Златоустъ: нѣтъ ничего сильнѣе кротости: какъ вода утишаетъ пламень,

такъ и слово кроткое утишаетъ душу, горящую гнѣвомъ паче печи огненной. Снисходительный удаляется отъ гнѣвающагося и тѣмъ отнимаетъ пищу у его ярости. Посему и Апостоль поучаетъ: *дадите мѣсто гнѣву* (Рим. 12, 19), то есть, снисходите, уступите, удалитесь на нѣсколько времени отъ лица гнѣвнаго. А такъ какъ любящій врага своего кротокъ, тихъ и снисходителенъ, то онъ удобно погашаетъ гнѣвъ его: посему онъ есть чудотворецъ, угашающій силу огненную.—Любящій врага своего претворяетъ горечь въ сладость, какъ Моисей горькую воду Мерры. Полна горести и вражда человѣческая. Св. Апостоль говоритъ: *всяка горестъ да возмется отъ васъ*. Какая же горестъ? *Гнѣвъ, ярость, кличъ, хула, со всякою злобою* (Еф. 4, 31),—та горечь, говоритъ, да возмется отъ васъ. И какую сладость можно найти въ душѣ разгнѣваннаго человѣка? Мысль въ ней горька, потому что помышляетъ о злобѣ; слово горько, ибо досаждаеть, укоряетъ, безславить; всякое предпріятіе горько, особенно для того самого, кто гнѣвается. Чѣмъ же можно усладить такую горечь? Ничѣмъ, кромѣ слова или дѣла добраго со стороны того, на кого раздраженный гнѣвается. И то и другое средство—и слово и дѣло доброе—вполнѣ дѣйствительны. О словѣ говоритъ приточникъ: *отвѣтъ смиренъ отвращаетъ ярость* (Притч. 15, 1), а о добротвореніи одинъ изъ св. Отцевъ учитъ такъ: „если узнаешь, что на тебя гнѣвается братъ твой, то пошли ему какой либо даръ“. А такъ какъ любящій врага своего всегда къ нему ласковъ и по силѣ своей благодѣтельствуетъ ему, терпѣливо перенося горечь его гнѣва, а сладость собственной любви въ него переливая; то онъ претворяетъ гнѣвъ его въ дружбу и любовь, посему и есть чудотворецъ, претворяющій горечь въ сладость.—Любящій врага своего изгоняетъ бѣса изъ человѣка. Кто сильно гнѣвается и враждуетъ на брата своего и воспламеняется местию, тотъ подобенъ бѣсноватому, и даже на самомъ дѣлѣ подвергается иногда бѣснованію. Св. Златоустъ воспоминаеть нѣгдѣ то, что видѣлъ самъ своими очами: нѣкто сильно разгнѣвался и чрезъ мѣру возъярился, и отъ сей безмѣрной ярости вдругъ сдѣлался бѣсноватымъ. Да и всякій человѣкъ въ сильномъ гнѣвѣ подобенъ бѣсноватому: взоръ его дѣлается страшнымъ, голосъ звучитъ ужасно, самъ кусаетъ свои уста или персты, скрежещетъ зубами,

и всѣ домашніе боятся его, какъ бѣсноватаго, бѣгають отъ него и скрываются гдѣ бы то ни было. Отъ такого яростнаго человѣка кто и чѣмъ изженеть бѣса гнѣвнаго? Бѣсновался по временамъ царь Сауль, и сія болѣзнь бѣснованія приходила къ нему особенно въ то время, когда онъ гнѣвался на когонибудь чрезъ мѣру. Но на кого ему было столько гнѣваться, какъ не на невиннаго Давида, которому онъ завидоваль за добрую славу его? И отъ ярости онъ впадалъ въ бѣснованіе. Что же Давидъ дѣлалъ? Игралъ предъ нимъ на гуслихъ, и тѣмъ отгонялъ отъ него духа нечистаго. Но не столько пѣніе само по себѣ, сколько кротость Давидова врачевала Саула, ибо онъ злобѣ Сауловой не противозлобствовалъ. А такъ какъ любящій врага своего покоряется ему своимъ незлобіемъ и кротостію, и издаетъ пріятное пѣніе смиренной рѣчи, называя себя такимъ грѣшникомъ, какимъ нарицаетъ его недругъ его; то онъ и прогоняетъ ярость его, посему и есть чудотворецъ, изгоняющій бѣсовъ.—Любящій врага своего укрощаетъ дикаго звѣря и заграждаетъ ему уста, подобно тому, какъ Пророкъ Даніиль заградилъ уста лвамъ. Разгнѣванный человѣкъ подобенъ звѣрю, и когда онъ не можетъ ничѣмъ досадить своему недругу, то отъ злобы рветъ на себѣ волосы и кусаетъ руки. Говорятъ, что раздраженнаго слона всего легче укротить можно музыкой. Такъ и врага можно обратить въ друга, если будешь вездѣ говорить о немъ только доброе. „Сладкія уста умножатъ друзей, говоритъ премудрый Иисусъ сынъ Сираховъ, и доброрѣчивый языкъ умножитъ пріязнь“ (Сир. 6, 5). А такъ какъ любящій врага своего не раздражаетъ его злыми рѣчами, а напротивъ, добрымъ словомъ о немъ укрощаетъ его, то онъ—поистинѣ есть чудотворецъ, укрощающій дикаго звѣря и заграждающій ему уста.—Наконецъ скажу объ одномъ чудѣ, которое больше всѣхъ прежнихъ: любящій врага своего дѣлается сыномъ Божиимъ, какъ сказано: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и будете сынове Вышняго*. Что выше сего? Какого еще большаго чуда требовать можно?—Итакъ люби врага своего, и будешь новый чудотворецъ, спасешь и его и свою душу. Если же не вѣришь мнѣ, то испытай это на самомъ себѣ: начни отселѣ любить всѣхъ, Сынъ же Божій будетъ тебѣ поручникомъ въ томъ. Небо и земля мимо идутъ, сло-

веса же Его не мимо идутъ! Безъ сомнѣнія будешь съ-
номъ Вышняго, какого сыновства желаю какъ себѣ, такъ
и всѣмъ. Аминь.

Двухсотлѣтняя память Святителя Христова Димитрія, митро- полита Ростовскаго.

(Окончаніе).

II.

Составленіе Четвѣхъ-Миней.

Не долго св. Димитрію пришлось воспользоваться святымъ
удивленіемъ. Вскорѣ промысль Божій воззвалъ его къ новомъ
жизненному подвигу. Таковымъ подвигомъ было составленіе
житій святыхъ, воспоминаемыхъ въ каждый день года и распо-
ложенныхъ помѣсячно въ великихъ книгахъ Четвѣхъ-Миней.

Житія святыхъ всегда составляли на Руси любимое народно-
чтеніе. Это—понятная и наглядная проповѣдь вѣры и благоче-
стія. Книги эти встарину были настольными книгами въ бога-
тыхъ и знатныхъ домахъ, гдѣ водились грамотные люди. Вели-
кіе подвижники на житіяхъ святыхъ воспитывали свой духъ.
Понятно, какъ дорожили ими русскіе люди. До книгопечатанія
при отсутствіи средствъ къ просвѣщенію и рѣдкости грамотныхъ
людей, книги эти цѣнились очень дорого.

До св. Димитрія дѣломъ собиранія житій святыхъ занятъ
былъ извѣстный митрополитъ Московскій Макарій, который тру-
дился надъ этимъ дѣломъ всю жизнь. Четвѣ-Миней Макарія со-
ставляли большую рѣдкость. Но при всѣхъ своихъ достоин-
ствахъ книги эти не отличались *полнотою*, ибо далеко не всѣ
подвижники нашли здѣсь свое изображеніе. Многихъ житій свя-
тыхъ Церкви вселенской не существовало еще и въ русскомъ
переводѣ. Въ отечественной Церкви появлялись новопрославлен-
ные угодники Божіи. Житія ихъ приходилось вновь вносить въ
Четвѣ-Миней. Такимъ образомъ необходимо было расширять и
дополнять ихъ, а старыя житія пересматривать и исправлять.

Вотъ какое великое дѣло выпало на долю подвижника вѣры
и благочестія—св. Димитрія.

Въ іюнѣ 1684 года его вызвалъ къ себѣ Кіевопечерскій архи-
мандритъ Варлаамъ Ясинскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.
Какъ знаменитому проповѣднику, какъ подвижнику, предложилъ
онъ дѣло—собрать новыя, исправить и дополнить старыя житія
святыхъ для Четвѣхъ-Миней, а потомъ напечатать ихъ для все-
общаго распространенія и употребленія.

Цѣлый сонмъ глубоко просвѣщенныхъ мужей уже брали на
себя этотъ трудъ, но никакъ не могли его совершить. Начало
этому дѣлу положилъ знаменитый ученый—Кіевскій митрополитъ
Петръ Могила. Онъ выписалъ съ Афона греческія Четвѣ-Миней,

чтобы перевести и издать ихъ, но умеръ, не успѣвъ исполнить своего памфренія. Киевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель также ваялся было за это дѣло, но тоже не могъ совершить его, по причинѣ постоянныхъ военныхъ тревоженій. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій сначала самъ думалъ заняться этимъ дѣломъ, но за разными недосугами не могъ приступить къ нему и сталъ искать просвѣщеннаго мужа, способнаго на сей подвигъ. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, сколь великая нужда была въ изданіи Четвухъ-Миней и какъ нелегко совершить было это дѣло.

Выборъ Варлаама палъ на св. Димитрія.. И нужно сознаться, что болѣе лучшаго выбора сдѣлать было нельзя.

Ревностный проповѣдникъ, подвижникъ вѣры и благочестія, св. Димитрій дѣло собранія житій святыхъ сдѣлалъ дѣломъ своей жизни. Онъ отдался ему всей душой. Сочеталъ съ нимъ свои подвиги. По нимъ воспитывалъ свою вѣру, укрѣплялъ свою любовь ко Христу и тако возлюбившимъ Его св. угодникамъ. Послѣдніе стали его друзьями и собесѣдниками изъ иного міра. Во снѣ они являлись ему и бесѣдовали съ нимъ. Въ своемъ дневникѣ св. Димитрій не разъ рассказываетъ объ этихъ видѣніяхъ. Онѣ дивны. Вотъ что писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ: „то августа 1685 года, въ понедѣльникъ, я услышалъ благовѣсть къ заутрени, но по обыкновенной лѣности моей, разоспавшись, не поспѣлъ къ началу, но проспалъ даже до чтенія псалтири. Въ это время мнѣ было слѣдующее видѣніе. Казалось, будто мнѣ поручена на смотрѣніе нѣкоторая пещера, въ коей почивали мощи святыхъ. Осматривая со свѣчею святые гробы, я увидѣлъ тамъ, какъ-бы почивающую, св. великомученицу Варвару. Приблизившись къ ея гробу, я узрѣлъ ее лежащею бокомъ, и гробъ ея, отчасти сгнившій. Желая очистить гнилость, я вынулъ изъ раки ея мощи и положилъ въ другомъ мѣстѣ. Очистивъ гнилость, я приступилъ къ св. мощамъ, желая положить ихъ въ раку. Но една прикоснулся къ нимъ, какъ узрѣлъ св. Варвару живую. Я возопилъ къ ней: „св. дѣва Варвара, благодѣтельница моя, умоли Бога о грѣшакъ моихъ“. Святая отвѣчала, какъ-бы имѣя нѣкоторое сомнѣніе: „не знаю, умолю ли, ибо ты молишься по римски“. Думаю, это сказано потому, что я весьма лѣнивъ къ молитвѣ и уподобляюсь въ этомъ случаѣ римлянамъ, у которыхъ молитвеннословія весьма кратки.. Услышавъ отъ святой такія слова, я началъ тужить и какъ-бы отчаяваться. Но спустя нѣсколько времени св. Варвара воззрѣла на меня съ веселымъ улыбающимся лицомъ и сказала: „не бойся!“ Говорила и другія утѣшительныя слова, которыхъ я не помню. Потомъ, вложивъ въ раку честныя мощи, я облобызалъ ихъ. Сожалѣя, что нечистыми и грѣшными устами я осмѣлился прикоснуться къ св. мощамъ и что рака не хороша, я размышлялъ, какъ бы украсить сей гробъ, и сталъ

искать новой богатѣйшей раки, въ которую-бы переложить ея мощи, но въ это самое мгновеніе я проснулся. Жалѣя о пробужденіи, я чувствовалъ въ то же время невыразимую радость... О, если бы молитвами св. Варвары, покровительницы моей, даль мнѣ Богъ исправленіе окаяннаго житія моего“!

Вскорѣ послѣ этого св. Димитрій въ своемъ дневникѣ записывалъ слѣдующее:

„Въ 1685 году, въ Филипповъ постъ, въ одну ночь, окончивъ описаніе страданій св. мученика Ореста, память котораго празднуется 10 ноября, за часъ или меньше до заутрени, легъ я, не раздѣваясь, отдохнуть и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ св. мученика Ореста, говорящаго ко мнѣ съ веселымъ лицомъ: „я больше претерпѣлъ мукъ за Хріста, нежели ты описалъ“. Сказавши это, онъ открылъ мнѣ грудь свою и показалъ на лѣвомъ боку большую глубокую рану, проходящую во внутренность, сказавъ: „это мнѣ прожжено желѣзомъ“. Потомъ, открывъ правую руку по локоть, показалъ рану противъ самага локтя и сказалъ: „это мнѣ перерѣзано“. Засимъ, склонившись и открывъ правую, а потомъ лѣвую ногу, показалъ на сгибѣ колѣнъ раны, говоря: „а это мнѣ косою разсѣчено“. Ставъ прямо и смотря мнѣ въ лицо, снова сказалъ: „видишь ли, я болѣе претерпѣлъ за Хріста, чѣмъ ты писалъ“. Я ничего не могъ сказать на это и молчалъ, думая въ себѣ: кто этотъ Орестъ? Святый, какъ-бы угадывая мою мысль, сказалъ: „я тотъ самый Орестъ, житіе котораго ты написалъ нынѣ“. Видѣлъ я и другого человѣка, стоящаго позади его, и мнѣ казалось, что это былъ также какой-то мученикъ, но тотъ ничего не сказалъ. Въ это самое время раздался благовѣстъ къ заутрени и разбудилъ меня, и я жалѣлъ, что это пріятнѣйшее видѣніе скоро окончилось. А что это видѣніе было дѣйствительно и я видѣлъ точно такъ, какъ написалъ, а не иначе, это я подтверждаю моею священническою клятвою, ибо все это какъ тогда совершенно помнилъ, такъ и теперъ помню“.

Всѣ свои труды и подвиги сосредоточилъ св. Димитрій на любимомъ дѣлѣ. Онъ отказался отъ игуменства и работалъ въ уединеніи. Черезъ два года онъ окончилъ первую часть Четвѣхъ-Миней, обнимающую мѣсяцы Сентябрь, Октябрь, Ноябрь. Трудъ его былъ рассмотрѣнъ Кіевопечерскимъ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ съ соборными старцами и одобренъ къ напечатанію. Для наблюденія за этимъ дѣломъ составитель былъ вызванъ изъ Батурина въ лавру.

Св. Димитрій началъ вторую часть. Между тѣмъ первая уже изданная часть успѣла достигнуть Москвы. Она рассмотрѣна была патріархомъ Адріаномъ. Послѣднему такъ понравился трудъ Димитрія, что онъ призналъ его весьма полезнымъ для всеобщаго распространенія. Посылая благословенную грамоту

Димитрію, патриархъ выражалъ пожеланіе, чтобы онъ не оставлять душеполезнаго дѣла, пока не доведетъ его до конца.

Получивъ это одобреніе, Димитрій ревностно продолжалъ святое дѣло. Труды его нѣсколько замедлялись лишь тѣмъ, что никакъ не давали ему предаться имъ среди излюбленнаго уединенія. Онъ долженъ былъ по усиленной просьбѣ различныхъ обитателей принимать на себя игуменство то въ одномъ, то въ другомъ монастырѣ. За двадцать лѣтъ иноческой жизни онъ былъ настоятелемъ въ пяти обителяхъ и дважды въ одной— Батуринской. Каждая изъ нихъ считала за счастье имѣть его своимъ игуменомъ, оспаривая эту честь у другихъ. Такъ любили и уважали его иноки. Изъ Батуринскаго монастыря приснопамятный Святитель Θεодосій Угличскій, Архіепископъ Черниговскій, теперь также прославленный, вызвалъ его въ игумены Петропавловской обители въ городѣ Глуховѣ. Здѣсь Димитрій закончилъ вторую часть Четихъ-Миней (мѣсяцы Декабрь, Январь, Февраль). Черезъ пять мѣсяцевъ вызвалъ его Варлаамъ Ясинскій, ставшій уже Кіевскимъ митрополитомъ, въ Кіевъ, въ Кирилловскій монастырь, гдѣ доживалъ свои дни престарѣлый отецъ его, уже столѣтній старецъ, ктиторъ обители. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ онъ назначенъ былъ архимандритомъ Елецкаго Черниговскаго монастыря. Черезъ два года переведенъ былъ въ Спасскій Новгородъ-Сѣверскій монастырь. Здѣсь окончена была третья часть Четихъ-Миней,—составлены мѣсяцы Мартъ, Апрѣль, Май.

Чѣмъ выше становилось служебное положеніе св. Димитрія, тѣмъ глубже становилось его смиреніе.

Отъ этого времени сохранилось до насъ слѣдующее письмо подвижника къ другу своему—иноку Чудова монастыря Θεологу:

„Я получилъ два письма отъ вашей честности и оба прочиталъ, зѣло благодарствуя за вашу братскую любовь ко мнѣ недостойному. Занеже честность твоя отъ любви своя въ обоихъ посланіяхъ изволила написать ко мнѣ недостойному похвалы выше моя мѣры, называя меня благонравнымъ, благоразумнымъ и простирающимъ лучи свѣта въ міръ и иныя подобныя похвалы которыя хотя и отъ любви вашей исходятъ, обаче зѣло мя исполняютъ студа, ибо я не таковъ, какимъ любовь ваша нищуетъ мя быти. Нѣсмь благонравенъ, но злонаравенъ, исполненъ худыхъ обычаевъ, и въ разумѣ далече отстою отъ разумныхъ, буй есмь и невѣжда, а свѣтеніе мое есть едина тьма и прахъ... Молю же братскую твою любовь, помолись о мнѣ Господу, свѣту моему, да просвѣтитъ мою тьму и изыдетъ честное отъ недостойнаго и поможетъ мнѣ окончить предлежащее мнѣ книжное дѣло. И то отъ любви вашей, что воздаете вы благодареніе Богу о возведеніи моемъ на Елецкую архимандритію. Азъ окаянный, какъ любви вашей, такъ и архимандритіи нѣсмь

достоинствъ. Въмѣсто, яко иногда попускаетъ Господь и недостойнымъ, отъ нихъ-же первый есмь азъ, приимати церковная честная достоинства. Сие же творитъ по невѣдомымъ судьбамъ Своимъ чепс ради въ немаломъ есмь страсть нося честь выше моего достоинства“

III.

Святительство Димитрія.

Вскорѣ Промыслъ Божій возвелъ Димитрія и на высоту святительства.

Въ 1700 году скончался Тобольскій митрополитъ Навель.

Озабочиваясь присканіемъ ему достойнаго преемника, императоръ Петръ I просилъ Кіевскаго митрополита Варлаама „поискать ивъ архимандритовъ и игуменовъ или другихъ иноковъ добраго, ученаго и благого, непорочнаго житія, которому бы въ Тобольскѣ быть митрополитомъ“

Выборъ палъ на Димитрія. Теперь Малороссія навсегда должна была проститься съ вѣрнымъ своимъ сыномъ. Въ 1701 году архимандритъ Димитрій прибылъ въ Москву на хиротонію. Въ недѣлю крестопоклонную онъ посвященъ былъ въ епископскій санъ съ назначеніемъ на мѣсто митрополита Тобольскаго и Сибирскаго. Это совершилось на 50 году его жизни.

Но великая честь не радовала смиреннаго инока. Здоровье его было надломлено, силы его расшатаны. Особенно же сокрушало его то, что принятое на себя послушаніе касательно составленія полнаго круга Четинхъ Миней съ новымъ назначеніемъ не могло быть исполнено. Дѣло это далеко еще не было окончено и рассчитывать на его окончаніе при новыхъ условіяхъ жизни было трудно. Между тѣмъ съ этимъ дѣломъ давно уже слюбился св. Димитрій и оторваться отъ него было для него великимъ лишеніемъ... Душевная печаль овладѣла святителемъ и онъ впасть въ болѣзнь. Петръ посѣтилъ болящаго. Бесѣдуя у одра его, Государь спросилъ Димитрія о причинѣ скорби. Святитель смиренно сказалъ ему: „то причиняетъ мнѣ печаль и болѣзнь, что меня посылаютъ въ жестокую страну, а у меня есть послушаніе, чтобы я потщился окончить писаніе житій святыхъ къ душевной пользѣ всѣхъ православныхъ христіанъ“.

Государь отмѣнилъ назначеніе въ Тобольскъ Святителя Димитрія. Ему временно повелѣно было жить въ Москвѣ въ ожиданіи новаго назначенія, а въ Тобольскѣ назначенъ былъ другой ревнитель благочестія Филоеѣй Ленцинскій.

Около года Святитель Димитрій пробылъ въ Москвѣ, продолжая свои труды по изданію житій святыхъ. Скоро послѣдовало и новое назначеніе Димитрія. Въ концѣ 1701 года скончался митрополитъ Ростовскій Иоасафъ. 4 Января 1702 года послѣдовало назначеніе Святителя Димитрія на Ростовскую кафедру. Свѣтлая звѣзда Малороссіи стала свѣтить теперь землѣ Залѣской.

Новый святитель прибылъ на свою кафедру уже съ разстроеннымъ здоровьемъ предшествующими трудами и подвигами. Онъ предчувствовалъ, что приближается конецъ его земному поприщу. Придя въ первый разъ въ свой кафедральный соборъ, святитель сказалъ: *се цѣхой мой, здѣ и вселюся*. Тутъ-же онъ указалъ мѣсто для своей могилы.

Но тѣлесныя немощи не сокрушали его энергіи и бодрости духа. Съ обычною ревностію принялся Святитель за дѣло духовнаго устроенія своей новой паствы. Въ первое же священнослуженіе онъ такъ привѣтствовалъ ее въ своемъ святительскомъ словѣ: „Миръ Богоспасаемому граду Ростову... Благословеніе и миръ всѣмъ городамъ и церквамъ сей епархіи. Миръ душамъ и сердцамъ вашимъ!..

„Да не смущается сердце ваше о моемъ пришествіи къ вамъ: я взошелъ дверьми, а не прелезаю инуды; я не искалъ, но былъ взысканъ, я не зналъ васъ и вы не знали меня. Но бездна судьбъ Господнихъ послала меня къ вамъ и я пришелъ, но не затѣмъ, чтобы вы служили мнѣ, а чтобы послужить вамъ, какъ учить Господь“...

Умудренный жизненнымъ опытомъ, Святитель ясно видѣлъ, въ чемъ особенно нуждается его паства. Она жаждала свѣта и просвѣщенія духовнаго. Кто могъ утолить эту жажду, какъ не ея духовные руководители—церковные пастыри? Между тѣмъ учительныхъ пастырей было весьма мало. Гдѣ было взять ихъ? Духовныхъ школъ не было. И вотъ благостный святитель предпринялъ на себя трудъ основанія семинаріи при своей кафедрѣ. Ростовская семинарія была вторая въ Россіи по времени своего основанія. Первая семинарія открыта была въ Москвѣ. Святитель собралъ болѣе 200 дѣтей священнослужительскихъ въ своей епархіи, назначилъ имъ учителей, нашелъ приличное помѣщеніе. Главное руководство семинаріей онъ оставилъ за собою. Онъ любилъ посѣщать семинарію, слѣдилъ за успѣхами ея питомцевъ. Способныхъ и усердныхъ призывалъ къ себѣ и объяснялъ имъ слово Божіе. Наблюдая за ихъ воспитаніемъ, святитель велѣлъ ходить къ Богослуженію въ праздничные дни къ себѣ въ соборъ и каждый разъ самъ благословлялъ ихъ. Самъ же непосредственно причащалъ ихъ св. Таинъ. Зная силу дѣтской молитвы, Святитель, во дни болѣзни, посылалъ въ семинарію своего келейника съ наказомъ питомцамъ, чтобы они по няти разъ читали молитву Господню, по числу язвъ Спасителя. Дѣтская молитва облегчала страданія Святителя. Среди новыхъ трудовъ и заботъ, среди недуговъ и частыхъ болѣзней Святитель не забывалъ принятаго на себя послушанія—закончить годичный кругъ Четивихъ-Миней. Въ 1705 году, наконецъ, это великое дѣло было окончено. Посылая въ типографію послѣднюю книгу, Святитель писалъ другу своему Θεологу: „срадуитесь со-

мною духовно, что при помощи вашихъ молитвъ сподобилъ меня Господь и Августу мѣсяцу написать: Аминь. Слава Богу! Совершишася! Прошу помолитесь, чтобы не тщетенъ былъ трудъ Господомъ нашъ худой трудъ“.

Какъ радуется странникъ, окончившій жизненный путь, какъ радуется пловецъ, переплывшій опасное море, столь же радовался и подвижникъ, закончившій свой двадцатилѣтній жизненный трудъ...

IV.

Послѣдніе годы жизни Святителя и его кончина.

Жизни оставалось мало, но какъ много дѣла предстояло еще впереди.

„Я желалъ бы написать, говорилъ Святитель Ростовскій въ письмѣ къ митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому, нѣкоторыя полезныя нравоученія, чтобы читателю было не только интересно, но и полезно... Еще намѣренъ написать краткую священную исторію. Помню, что въ нашей странѣ трудно сыскать славянскую библію. Рѣдко гдѣ можно найти ее и купить, и рѣдко кто, даже изъ духовныхъ, знаетъ порядокъ библейскихъ событій. Одинъ игумень спрашивалъ меня, когда жилъ пророкъ Ілія, послѣ или прежде Рождества Хрїстова? Слышалъ и другія смѣшныя рѣчи въ разговорахъ между духовными. Для того-то я и хотѣлъ, если-бы Господь помогъ вашими святыми молитвами, написать вкратцѣ библейскую исторію, небольшую книжку, чтобы всякій могъ недорого ее купить, и изъ нея легко узнать порядокъ событій, въ какомъ они слѣдуютъ въ библіи“.

Но силы Святителя падали съ каждымъ днемъ. „Не могу скоро писать, замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, не только по трудности дѣла, но и по немощи моей. Часто изнемогаю и Богъ вѣсть, могу-ли начатое окончить, потому что частые мои недуги отнимаютъ перо изъ рукъ, а писца на одрѣ повергають и о смерти думать заставляютъ. А къ тому же и глаза плохо видятъ; очки мало помогаютъ, руки пишушія дрожатъ и вся хранина тѣла моего разрушается“.

По поводу смерти одного изъ друзей своихъ Святитель писалъ Θεологу: „устрашила меня смерть друга нашего. Если человѣка здороваго, не стараго, не изможденнаго трудами, смерть похитила такъ скоро, то чего надѣяться мнѣ безсильному? Напалъ на меня страхъ смерти... А какъ останется дѣло книгописное? Найдется-ли охотникъ приняться за него и окончить? А еще много надобно трудиться въ томъ дѣлѣ; въ годъ его не окончить, да и въ два едва доведешь до совершенія. А конецъ при дверяхъ. Сѣкира при корнѣ.“

Коса смерти надъ головою! Увы мнѣ! Не жаль мнѣ ничего оставить, да и жалѣть не о чемъ. Богатства я не собралъ. Де-

негъ не накопилъ. Одного жаль, что начатое книгописаніе далеко до совершенія“.

Между тѣмъ жизненныя обстоятельства требовали отъ Святителя все большей и большей энергіи, новыхъ и новыхъ трудовъ. До свѣдѣнія его дошло, что среди его паствы явились хищныя волки, расхищающіе его стадо. Это были раскольники. Шли они изъ лѣсовъ и пустынь и похищали колеблющіяся души. Сколько труда и энергіи изнемогавшій уже Святитель долженъ былъ положить на дѣло борьбы съ хищниками. „Я, смиренный, говорилъ Святитель, не въ этихъ странахъ рожденъ и воспитанъ, никогда и не слыхалъ о расколѣ, ни о Брынскихъ (Брянскихъ) лѣсахъ, ни о скитахъ, ни о различіи ихъ вѣры“.

Онъ обличалъ заблуждающихся въ своихъ церковныхъ ученіяхъ, писалъ краткія наставленія для руководства пастырей, въ которыхъ излагалъ вопросы и отвѣты о вѣрѣ. „Оле окаянныхъ послѣднихъ временъ нашихъ, восклицалъ Святитель въ этихъ наставленіяхъ. Какъ нынѣ св. Церковь стѣснена, умалена, ово отъ внѣшнихъ гонителей, ово отъ внутреннихъ враговъ, *иже, по Апостолу, отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ* (Іоан. II, 19). И уже столь умалилась нынѣ истинная соборная и апостольская Церковь, что едва гдѣ можно найти истиннаго сына Церкви. Чуть не въ каждомъ городѣ изобрѣтается иная нѣкая особая вѣра“.

Подъ конецъ жизни Святитель, вынужденный обстоятельствами, предпринялъ на себя трудъ составленія обширнаго сочиненія противъ раскола: „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“.

Здѣсь со свойственнымъ ему одушевленіемъ и горячею заботою о спасеніи своихъ пасомыхъ, избличая враговъ Церкви, онъ излагаетъ православное ученіе о всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые извращали раскольники. Здѣсь онъ говоритъ о четвероконечномъ и восьмиконечномъ крестѣ, о перстосложеніи для крестнаго знаменія, о сугубой и трегубой аллилуйи, объ антихристѣ, о брадобритіи и о прочихъ вещахъ.

Ясно Святитель доказалъ здѣсь, что не православные, а они—раскольники отступили отъ истинной вѣры и Церкви Христовой, что потерявъ любовь христіанскую, они все потеряли... Вожаки ихъ такіе же невѣжественные и безнравственные люди, какъ и они сами...

До конца дней Святитель не оставлялъ своихъ иросвѣтительныхъ трудовъ для паствы. Предъ смертію слышали ближніе изъ устъ его слова: „мы должны постоянно дѣлать что либо во славу Божию, да смертный часъ не застанетъ насъ празными“.

При всѣхъ своихъ неустанныхъ трудахъ на духовное просвѣщеніе ближняго Святитель всегда оставался строгимъ аскетомъ-подвижникомъ. Ему вѣдомы были и дѣла милости тѣлесной. Нуждающіеся и неимущіе имѣли къ нему свободный доступъ, и никто не уходилъ отъ него безъ помощи.

Все, что приобрѣталъ, дѣлили онъ съ своими ближними.

Цингу употреблять самую простую и то сколько нужно было для поддержанія тѣлесныхъ силъ. Посты его были строги и суровы. Молитва его постоянная и неустанная.

За нѣсколько дней до смерти Святитель пророчески говорилъ о себѣ: „се грядуть въ Ростовъ двѣ гостыи: Царица Небесная (Тѣгская чудотворная икона Божіей Матери) и царица земная (Парасковья Федоровна, хвавшая сюда на поклоненіе Толгской Божіей Матери), но я уже видѣть ихъ не сподоблюся“.

Цѣлѣствительно, за три дня до кончины Святитель сильно разболѣлся и постоянно кашлялъ. Не взирая на возраставшую немощь тѣлесную, почти наканунѣ кончины, въ день своего Ангела 26 Октября, въ честь великомученика Димитрія Селунскаго св. Димитрій служилъ литургію въ своемъ кафедральномъ соборѣ. Въ церкви во время Богослуженія онъ чувствовалъ себя дурно и не могъ уже самъ произнести составленной имъ проповѣди. Произношеніе ея поручено было одному изъ пѣвчихъ. Самъ Святитель сидѣлъ въ нарскихъ вратахъ и слушалъ. Послѣ обѣдни, какъ бы желая заглушить сильную боль, Святитель призывалъ къ себѣ пѣвчихъ и велѣлъ имъ исполнять составленные имъ пѣснопѣнія: „Ты мой Богъ, Иисусе, Ты моя радость“, „Иисусе мой прелюбезный“, „Надежду мою въ Бозѣ полагая“ и др. Вскорѣ Владыка отпустилъ пѣвчихъ и остался наединѣ съ однимъ изъ нихъ, своимъ ближайшимъ помощникомъ по перепискѣ трудовъ своихъ. Побесѣдовавъ съ нимъ о протекшей жизни, Святитель отпустилъ и этого собесѣдника, благословивъ его и поклонившись за посильные его труды чуть не до земли. Со слезами на глазахъ пѣвчій вышелъ изъ владычныхъ покоевъ. Святитель распустилъ по своимъ мѣстамъ и другихъ прислужниковъ. Оставшись одинъ, онъ затворился въ своей келліи и колѣнопреклоненно сталъ молиться.

Богъ знаетъ, долго-ли продолжалась эта молитва.

На другой день его приближенные застали его также колѣнопреклоненнымъ, но уже отошедшимъ въ вѣчность.

28 Октября 1709 года унылые звуки соборнаго колокола возвѣстили жителямъ Ростова печальную вѣсть о кончинѣ подвижника Святителя. Горячими слезами паства оплакивала свою незамѣтную утрату. Святитель Димитрій преставился 58 лѣтъ отъ роду.

На погребеніе его прибылъ митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій. Могила усопшаго была приготовлена на избранномъ имъ мѣстѣ при жизни.

Черезъ сорокъ три года по смерти обрѣтены были нетлѣнные мощи Св. Димитрія. Рядъ чудесныхъ знаменій у гроба Святителя свидѣтельствовалъ православной Россіи о великой милости Божіей, являемой по молитвамъ угодника Божія. Св. Синодъ причислилъ его къ лику святыхъ. Установлено было въ честь его церковное празднованіе—21 Сентября обрѣтенія мощей, а 28 Октября—его памяти.

Св. Церковь прославляет Святителя Димитрія какъ православія ревнителя и раскола искоренителя. Въ тропарѣ церковномъ онъ именуется также цѣвницею духовною. Какъ цѣвница музыкальная улаживаетъ нашъ слухъ, такъ духовная цѣвница—творенія Св. Димитрія—улаживаетъ нашу душу. Какую уладу даютъ они христіанской душѣ—это можно только непосредственно испытывать при самомъ чтеніи святыхъ твореній. Одинъ благочестивый священникъ на вопросъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ своихъ—что имъ читать на пользу душъ—даетъ одинъ отвѣтъ: читайте Четыи Минеи Св. Димитрія Ростовскаго. И покупаютъ вѣрующія души, приобретаютъ дорогой цѣной толстыя двѣнадцать книгъ трудовъ великаго Святителя. И это не одинъ, не два человека, а цѣлыя десятки. И не расквиваются, не говорятъ, что непроеводительна сія затрата. Духовной пищи хватитъ здѣсь на всю жизнь...

Итакъ, не только при жизни Святитель Димитрій своими трудами утоляетъ духовный гладъ ближнихъ своихъ, вѣреннхъ его попеченію и руководству. Онъ не перестаетъ совершать дѣло духовнаго милосердія и по смерти безсмертными своими трудами.

Блаженіи милостивій: яко ти помиловани будуть!

НАКАЗАНИЕ БОЖІЕ.

Дѣти, почтительныя къ родителямъ, согласно обѣтованію Божію, благоденствуютъ и долгоденствуютъ. Если же дѣти не чтутъ своихъ родителей, не повинуются имъ, причиняютъ имъ досажденія, отбръненія, оскорбленія и разныя обиды, то они навлекаютъ на себя проклятіе, соединенное со всякаго рода несчастіемъ. *Проклятъ безчестійъ отца своего, или мать свою* (Второз. XXVII, 16). Не только исторія, но и настоящая современная жизнь представляетъ намъ много примѣровъ наказанія дѣтей за непочтеніе къ родителямъ. Вотъ еще одинъ примѣръ такого рода, имѣвшій мѣсто въ 1907 году въ Шейхбутскомъ Богородицкомъ приходѣ, Тотемскаго вѣзда и записанный мною со словъ приходскаго священника.

Крестьянинъ дер. Петрищева Николай Бердяевъ вошелъ въ домъ въ ту же деревню къ крестьянину, женившисъ на его единственной дочери. Первое время тестъ съ зятемъ жили въ согласіи, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше зять сталъ проявлять непочтительности своему тестю, часто ссорился и бранился съ нимъ и случалось, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не говорилъ съ тестемъ ни слова. При стычкахъ зять не щадилъ осыпать тестя, человека скромнаго и богобоязненнаго, скверными словами, особенно когда былъ въ нетрезвомъ видѣ и безпрестанно почти курилъ табакъ. Не утерпѣлъ онъ напиться еще до утрени и въ первый день Св. Пасхи. Въ то время, какъ всѣ добрые христіане, дождавшись Свѣтлаго Христова воскресенія, съ

радостью спѣшили въ храмъ Божій,—въ домѣ Бердяева уже раздавались ругательства и скверныя слова. Тестя и жена Бердяева также ушли въ церковь, а придя отъ обѣдни домой, не заставъ Николая: онъ успѣлъ уже уйти къ своему брату, отъ котораго возвратился совсѣмъ пьяный и вмѣсто радостнаго привѣтствія „Христось воскресе“, отъ него посыпались только скверныя слова. Тестя и жену Николая такъ это поразило и разстроило, что они почти въ одинъ голосъ сказали: „хоть бы у тебя Богъ отнял языкъ за подобныя слова!“ И что же? Пьяный сквернословъ тотчасъ же почувствовалъ, что не можетъ сказать ни одного слова. Всѣ испугались. Пригласили сосѣдей и брата, у котораго былъ въ гостяхъ Николай. Онѣмѣвшій плакалъ, кланялся всѣмъ въ ноги и просилъ прощенія. На второй день Пасхи пришелъ въ эту деревню со св. Крестомъ для славленія священникъ. Въ домѣ Бердяева ему рассказали, какъ произошелъ случай онѣмѣнія. Священникъ посовѣтовалъ всѣмъ домашнимъ вмѣстѣ съ Николаемъ придти на слѣдующій день въ церковь къ обѣднѣ, подать о здравіи просфору и отслужить молебенъ Святителю и Чудотворцу Николаю. Совѣтъ священника исполненъ былъ въ точности. Больной всю обѣдню усердно молился, а во время молебна, стоя на колѣняхъ, обливался слезами. Затѣмъ, по совѣту священника, всѣ домашніе вмѣстѣ съ Николаемъ на Свѣтлой недѣлѣ сходили на Св. Гору, находящуюся въ 12 верстахъ, поклониться и отслужить молебенъ съ водосвятиемъ предъ чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери. Окончилась и Свѣтлая недѣля, но къ нѣмому рѣчь не возвращалась; на него напала сильная тоска, такъ что не могъ онъ и спать. Только на второй недѣлѣ, въ ночь со вторника на среду, вслѣдствіе сильнаго утомленія и изнеможенія силъ, больной заснулъ и проспалъ цѣлыя сутки. Проснувшись раннимъ утромъ, онъ вдругъ громкимъ голосомъ сталъ звать своихъ родныхъ; Господь простилъ его, рѣчь возвратилась и онъ началъ говорить по прежнему. На разспросы родныхъ, какъ это случилось, Николай рассказалъ слѣдующее: видѣлъ онъ во снѣ большое, покрытое листьями, дерево, около котораго стояла дѣвица; чей-то голосъ говоритъ ему: „руби это дерево“, а дѣвица сказала: „не трогай“, это же слово и онъ произнесъ во снѣ, а проснувшись, тотчасъ почувствовалъ, что можетъ говорить и отъ радости началъ звать своихъ родныхъ. Послѣ своего чудеснаго исцѣленія Николай далъ обѣщаніе сходить въ Соловецкій монастырь на поклоненіе преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, отстать отъ употребленія водки, табаку, сквернословія и жить въ мирѣ и добромъ согласіи со своимъ тестемъ и женой. Такъ премилосердый Господь вразумилъ раскаявагося грѣшника!

Свящ. С. Макаровъ.